

Уильям Шекспир

Король Генрих IV

Уильям Шекспир

Король Генрих IV

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22159296

Аннотация

«Время написания и первого появления в печати обеих частей „Генриха IV“ определяется довольно точно: так как они по содержанию представляют прямое продолжение „Ричарда II“, то а priori вероятно, что они возникли непосредственно после этой драмы, которая была напечатана впервые в 1597 г. без имени автора. Заканчивая „Ричарда II“, поэт уже задумал „Генриха IV“: это видно из разговора только что коронованного Генриха с молодым Перси в первой из названных драм (V, 3), разговора, показывающего, что фантазия поэта уже была занята разработкой типа его любимого героя, принца Уэльского, впоследствии Генриха V. Та же хронологическая связь доказывается, наконец, и имеющимися в нашем распоряжении внешними фактами, относящимися к истории занимающих нас драм. Мы знаем, что первая часть Генриха IV появилась в печати уже в 1598 г. без имени автора, которое было прибавлено лишь ко второму изданию 1599 г.; вторая же часть, возникшая не позже 1599 г., напечатана впервые лишь в 1600 г. Попытка более точного хронологического приурочения, сделанная Кольером (Collier, 1835), желавшим доказать, что работа над второй частью была закончена еще до 25 февраля 1598 г., основана на недоразумении.

Впрочем, более точная датировка в данном случае и не важна; гораздо важнее факт, что как „Ричард II“, так и обе части „Генриха IV“ далеко не первые драматические „хроники“ Шекспира. Все три части „Генриха VI“, а также „Ричард III“ написаны лет на 6–7 раньше (т. е. около 1592–1593 г.), хотя по изображенным в них событиям они следуют за ними, обнимая время от 1422 до 1485 гг. Между ними и нашими драмами лежат, по-видимому, еще „Бесплодные усилия любви“, „Два Веронца“, „Ромео и Джульетта“, „Сон в Иванову ночь“ и, вероятно, „Король Джон“...»

Содержание

Король Генрих IV	6
Часть I	29
Действие первое	31
Действие второе	64
Конец ознакомительного фрагмента.	89
Комментарии	

Уильям Шекспир

Король Генрих IV

Зинаиде Венгеровой принадлежит перевод прозаической части «Генриха IV», Н. М. Минскому – стихотворной.

* * *

Король Генрих IV

Время написания и первого появления в печати обеих частей «Генриха IV» определяется довольно точно: так как они по содержанию представляют прямое продолжение «Ричарда II», то а priori вероятно, что они возникли непосредственно после этой драмы, которая была напечатана впервые в 1597 г. без имени автора. Заканчивая «Ричарда II», поэт уже задумал «Генриха IV»: это видно из разговора только что коронованного Генриха с молодым Перси в первой из названных драм (V, 3), разговора, показывающего, что фантазия поэта уже была занята разработкой типа его любимого героя, принца Уэльского, впоследствии Генриха V. Та же хронологическая связь доказывается, наконец, и имеющимися в нашем распоряжении внешними фактами, относящимися к истории занимающих нас драм. Мы знаем, что первая часть Генриха IV появилась в печати уже в 1598 г. без имени автора, которое было прибавлено лишь ко второму изданию 1599 г.; вторая же часть, возникшая не позже 1599 г., напечатана впервые лишь в 1600 г. Попытка более точного хронологического приурочения, сделанная Кольером (Collier, 1835), желавшим доказать, что работа над второй частью была закончена еще до 25 февраля 1598 г., основана на недоразумении. Впрочем, более точная датировка в данном случае и не важна; гораздо важнее факт, что как «Ричард II», так

и обе части «Генриха IV» далеко не первые драматические «хроники» Шекспира. Все три части «Генриха VI», а также «Ричард III» написаны лет на 6–7 раньше (т. е. около 1592–1593 г.), хотя по изображенным в них событиям они следуют за ними, обнимая время от 1422 до 1485 гг. Между ними и нашими драмами лежат, по-видимому, еще «Бесплодные усилия любви», «Два Веронца», «Ромео и Джульетта», «Сон в Иванову ночь» и, вероятно, «Король Джон».

Эти годы, проведенные в непрерывной работе, не пропали даром для поэта; хронологическому отличию вполне соответствует отличие художественное и техническое. Прогресс в росте Шекспировского гения бросается в глаза даже при беглом сравнении «Ричарда III» с «Ричардом II» или первой частью «Генриха IV»; там многое еще напоминает его предшественников, в особенности Марло; здесь, наоборот, гений Шекспира окончательно выбрался на свободу, далеко оставив за собою всех, кто до него брался за исторические темы. И превосходство Шекспира бросается в глаза, несмотря на то, что его «Ричард II» во многих частностях художественной композиции сильно напоминает «Эдуарда II» Марло. Значительный шаг вперед представляет в особенности первая часть «Генриха IV», которая была своего рода откровением в истории английской драмы, вызвавшим всеобщий восторг. Мы приведем ниже несколько фактов, доказывающих, какую широкою популярностью эта «хроника» пользовалась среди современников. Ограничимся пока указанием,

что при жизни Шекспира вышло в свет, кроме указанных уже двух изданий 1598 и 1599 гг., еще три: в 1604, 1608 и 1613 гг.

Гораздо меньшим успехом пользовалась вторая часть. До смерти поэта она вышла в одном лишь издании в 1600 году, что служит неоспоримым доказательством меньшей её популярности. Действительно, и теперь еще, когда мы вспоминаем напр. о «толстом рыцаре» Фальстафе, нам припоминаются, прежде всего, чудные сцены первой части (I, 2; II, 2. 4, V, 4 и другие). Тем не менее, мы не решились бы повторить приговор современников поэта без оговорок и должны, во всяком случае, признать обе части необходимыми звеньями одного целого; они дополняют друг друга и немыслимы одна без другой; во второй части завершается то, что начато в первой, а первая – необходимое основание второй. они так тесно связаны между собою, что характеристика как композиции, так и отдельных типов должна иметь в виду одновременно обе части.

Исторический материал, которым воспользовался Шекспир, сводится к следующему:

Действие, изображенное в первой части «Генриха IV», обнимает очень незначительный промежуток времени: от битвы при Гольмдоне (14-го сентября 1402 г.), о которой королю приносят весть в первой же сцене первого действия, до сражения при Шрюсбери (Shrewsbury, 21-го июля 1403), в котором пал Гарри Перси и изображению которого посвящены

последние сцены драмы. В общем, драматическое действие здесь не расходится с историей, если не считать некоторых мелких отступлений.

Сильнее отклоняется от исторических фактов вторая часть. Поэт значительно сдвинул события, так что факты, между которыми на самом деле были промежутки в несколько лет, представляются здесь совершающимися непосредственно друг за другом.

Самые события, легшие в основу этой второй части, обнимают время от 1405 г. до смерти Генриха IV, т. е. до марта 1413 г.

То было время, полное тревог и сильных потрясений, время переходное от средневекового феодального строя к новому, столь своеобразно сложившемуся в Англии. Началось оно уже при Иоанне Безземельном (1199–1216 гг.), даровавшем своему народу Великую хартию вольностей (1215 г.). При его сыне и наследнике Генрихе III (1216–1272 гг.), мы впервые встречаемся в истории Англии с «парламентом».

Этим словом на первых порах обозначалось, впрочем, лишь собрание баронов – политический фактор, возникший за долго до этого. И только через 50 лет после Великой хартии, в 1265 г., к совещаниям были привлечены и представители других сословий, т. е. возникло то, что впоследствии получило название нижней палаты. Во время войн при сыне Иоанна – Эдуарде I (1272–1307 гг.), в особенности же вследствие смут при его внуке, несчастном Эдуарде II (1307–

1327 гг.), значение парламента в государственной жизни Англии все усиливается, что выразилось особенно ярко в статуте 1322 г., дающем уже нечто в роде конституционного правления. Развитие это не прерывается также и бесконечными войнами с Францией, начавшимися при сыне Эдуарда II – Эдуарде III (1327–1377 гг.), и делает значительные успехи особенно при внуке последнего, слабом и бесхарактерном Ричарде II (1377–1399). Это движение, приводившее постепенно к значительному ограничению королевской власти, отнюдь, однако, не ослабило значения феодальных баронов, которые, опираясь на свои традиционные права и пользуясь весьма значительными материальными средствами, находившимися в их распоряжении, приобретали временами решающее значение в государстве, в особенности после того, как со смертью Ричарда II прервалась линия прямого престолонаследия и на престол вступила младшая линия Плантагенетов, дом Ланкастер, в лице Генриха IV. Борьба последнего с непокорными баронами составляет главное содержание наших драм, и лишь войны Алой и Белой Розы между домами Ланкастер и Йорк (1452–1485 гг.), кончившиеся восшествием на престол новой династии Тюдор, родственной Ланкастерам, настолько ослабило феодальное дворянство, что короли могли, опираясь на нижнюю палату, с более прочным успехом продолжать борьбу с баронами, и постепенно лишить их прежних политических прерогатив.

В момент, когда открывается действие наших драм, до

этого еще очень далеко. Борьба лишь началась, и Генриху IV пришлось вынести на своих плечах первые удары её.

Перед нами в его лице в высшей степени сложный и интересный тип. Сын Иоанна Ганта, герцога Ланкастерского, родной внук короля Эдуарда III и, стало быть, двоюродный брат короля Ричарда II, с которым он был одних лет (оба родились в 1367 г.), он рано пострадал от смут, возникших в царствование этого слабого короля. Последний, боясь своего умного и энергичного родственника, успевшего, несмотря на свою молодость, приобрести громкую военную славу, и предчувствуя в нем соперника, изгнал его из Англии в 1398 г., а когда отец Генриха, герцог Ланкастерский, в 1399 г. умер, то король объявил его сына лишенным наследства. Это послужило поводом к открытому восстанию. Генрих Болингброк (так он был назван по месту своего рождения; официально он носил титул герцога Герфордского) высадился в Англии с небольшим отрядом, быстро разросшимся, так как со всех сторон к нему стекался народ, недовольный правлением Ричарда. Высланное против него войско было разбито и, благодаря измене со стороны графа Нортумберлэндского, играющего видную роль и в нашей драме, сам король вероломно был схвачен. Дальнейшие события быстро следуют одно за другим: 29-го сентября того же 1399 г. несчастного Ричарда заставляют отречься от престола, 30-го сентября королем провозглашается Генрих IV, Ричард же отводится в замок Помфрет, где уже через несколько недель

он умирает, вероятно насильственной смертью, причем народная молва указывала, конечно, на Генриха, как на виновника её. Так оно, вероятно, и было; во всяком случае, Шекспир становится именно на эту точку зрения: ему нужен был данный мотив столько же для окончания драмы «Ричард II», сколько для обрисовки объяснения и дальнейшего развития типа Генриха IV.

Последний, прежде всего, умный, дальновидный и энергичный политик, быстро схватывающий суть положения, быстро и хладнокровно принимающий решения и затем уже ни перед чем не останавливающийся при их проведении. Но, вместе с тем, эта натура не вполне цельная; честолюбивыми замыслами и безжалостным их выполнением далеко не исчерпывается его внутренний мир и ими он не удовлетворяется. Оказавшись, силою внешних обстоятельств, во главе восстания против законного короля, он, влекомый честолюбием, не отказывается от последствий этого положения и смело берет на себя ответственность за все, что отсюда вытекало. Но вместе с тем ему всегда присуще сознание незаконности его действий. Достигнув престола незаконным путем, он не только боится потерять свою власть, отлично понимая, как умный политик, что его ближайшие друзья и помощники при государственном перевороте, возведшем его на престол, необходимо должны явиться и наиболее опасными его врагами, когда он захочет не только называться, но и быть королем. Не даром он пользуется первым же случаем, чтобы уни-

зитель опаснейших из них – старика Нортomberленда и его сына Перси. Но не в этом одно дело. К лихорадочно-энергичной деятельности, которую он проявляет во время борьбы с бунтовщиками, примешивается нота скорби и нравственно-го удручения от сознания собственной вины. Это не угрызения совести: такие натуры, как Генрих, раскаяния не знают; попади он вновь в те же условия, в каких он находился в 1399 г., он повторил бы свои действия, не отклоняясь ни на йоту от того, что им было сделано тогда. Итак, перед нами не угрызения совести, а удрученность, с которой он справиться не может; сознание разлада между тем, что сделано, и тем, что надлежало сделать по чувству нравственного долга, которое глубоко заложено в его душу.

Таким был Генрих, по-видимому, в истории, таковым же понял его и Шекспир, заинтересовавшись, конечно, именно этой человеческой чертой в нравственном облике своего героя. И эта черта, лишь несколько более точно развитая им, дала ему возможность создать из него почти трагический тип. На ней Шекспир исключительно и останавливается. Политика короля, помимо борьбы его с бунтовщиками, его несколько не интересует, хотя она стоила того, чтобы в нее всмотрелись. Дело в том, что правление Генриха IV знаменует собой своего рода переворот во внутренней государственной жизни Англии. Генрих IV – первый король которого можно было бы назвать конституционным правителем, идущим на встречу желаниям страны и парламента, тогда как его

предшественники уступали им обыкновенно лишь поневоле, по принуждению. Так, он предоставил в 1404 г. парламенту право контроля над расходованием податных сумм и т. под. Лишь в церковных делах он вел независимую от парламента политику – и в этом одна из темных сторон его правления. Желая привлечь на свою сторону высшее духовенство – все по тому же желанию упрочить свою власть – он не только отказался принять предложение парламента о секуляризации некоторых частей церковного имущества, но в угоду духовенству принялся за истребление учения Виклефа и подверг жестокому гонению огнем и мечем последователей его, так называемых лоллардов¹. В этом отношении его примеру последовал и его сын, любимец Шекспира, Генрих V.

Но Шекспира указанная сторона деятельности Генриха не интересует и интересоваться не могла. Он останавливает внимание исключительно на борьбе из-за династических интересов, вокруг которой он искусно группирует всех действующих лиц, лишь слегка видоизменяя ход исторических событий.

Последних немного. Генрих Перси, сын графа Нортумберлэнда, пока еще сторонник короля, одержал блестящую победу при Гольмдоне над шотландским графом Дугласом и захватил много знатных пленных, которых он, однако, отказывается выдать королю, за исключением одного Мордака, графа Фейфского. Король был прав, усмотрев тут открытое

¹ См.: Wylie, History of England under Henry the Fourth, London 1884-94.

пренебрежение к своей власти и воспользовался этим случаем, чтобы энергично отстаивать королевские права перед своими прежними союзниками. Против короля в северных провинциях образовалась сильная дворянская коалиция, душой которой был Генрих Перси. Но в самый решительный момент Перси был покинут частью своих союзников – между прочим собственным отцом. Приняв тем не менее сражение, он потерпел сильное поражение и сам пал в битве при Шрюсбери.

Таковы факты, легшие в основу первой части драмы Шекспира. Он нашел их в хронике Голиншеда, которая является его главным, если не единственным источником для всех частей драмы. Правда, уже раньше, т. е. в начале 80-х годов XVI века, личность принца Уэльского, позднейшего Генриха V, послужила предметом драматической обработки в пьесе «The famous victories of Henry V»; но драма эта довольно груба и лишена всяких художественных достоинств. Шекспир ее наверное знал, но воспользоваться ею он мог только в некоторых незначительных частностях, намеках и именах.

Рассказа же хроники Голиндшеда он придерживается строго, позволяя себе лишь незначительные отступления от него в интересах художественных. Так напр. Генрих Перси (род. 1367), у него ровесник принца Уэльского, тогда как на самом деле он был на 20 лет старше последнего (род. 1387). Но зависимость Шекспира от хроники сказывается

напр. в том, что он, как последняя, смешивает двух одноименных лиц, слив их воедино: – Эдмунда Мортимера, сына Филиппы, внучки Эдуарда III, зятя предводителя уэльского восстания Оуэна Глендовера, и младшего Эдмунда Мортимера, графа Марчского.

Таковы источник и материал. Что же сделал из него Шекспир?

Выше я назвал первую часть «Генриха IV» своего рода откровением в истории английского театра. По новизне и смелости композиции и типов она действительно была таковым. По композиции это, строго говоря, вовсе не драма, так как драматического действия в ней очень мало, и то немногое, что заслуживает этого названия – бесхитростная завязка, заговор, и быстро следующая за нею развязка, поражение бунтовщиков – так мало привлекает внимание читателя или зрителя, что он подчас совершенно забывает о нем, отвлекаясь от него эпизодическими вставками, которые по существу ничего общего с главным действием не имеют.

Последнее простой предлог, дающий поэту возможность сгруппировать вокруг одного центра ряд блестящих живых типов. Лишь в очень незначительной степени развитие их обусловлено действием, и наоборот – действие приводится в движение и поддерживается в нем лишь отчасти характером этих типов. Внутренней, необходимой связи между ними не чувствуется.

С точки зрения общепринятой теории драматической

композиции, такая постановка дела не может не быть признана грубым нарушением основных принципов драматического искусства.

Но поэт идет еще дальше: он сознательно и намеренно раздваивает интерес, сосредоточивая его то на одном, то на другом. Главный герой драмы, конечно, не Генрих IV, давший ей имя; важнейшее, в смысле интереса, действующее лицо без всякого сомнения – Фальстаф. А что общего между ним и главным действием? Он стоит совершенно в стороне от него, и в тех немногих случаях, где он входит с ним в соприкосновение, он одним своим появлением нарушает производимое этим действием впечатление.

«Генрих IV», конечно, вовсе не драма, а лишь ряд драматических сцен, точнее – эпос в драматической форме. Действительно, тут все дышит эпосом: полное почти отсутствие драматического развития; спокойствие, с которым поэт, не спеша, отделявает мельчайшие детали в портретах своих героев, и многое другое. Никогда никто ни до, ни после Шекспира не посмел так беззаботно-самоуверенно, как бы свысока, отнестись к законам драмы, и уж во всяком случае это никогда никому так не удавалось, как ему.

В этом отношении «Генрих IV» – единственное в своем роде произведение всемирной литературы; в этом – и еще в другом: в создании того типа, которому наша драма главным образом обязана своей славой – в создании великого бессмертного толстого Фальстафа, все просветляющего – и

все уничтожающего своей бездонно глубокой житейской философией. Кто устоит перед обаянием этой безобразной личности? Мы любим его с первого момента появления его на сцене, и любим, как следует любить – с тоской при разлуке. Перед нами совершаются великие дела, выступают настоящие герои, но нет Фальстафа – и все нам кажется постылым. Где же Фальстаф? Скоро-ли будет Фальстаф? Но вот он явился – и все озарилось, и мы с глубоким наслаждением любуемся красотой этого безобразного тела. Его одного было бы достаточно, чтобы заставить нас забыть о всех изъянах драмы как таковой – если б мы их замечали при чтении. Но в том-то же и дело, что мы их не замечаем: так властно овладевает нами поэт с первых же слов. В редких драмах Шекспир достиг такого мастерства в обрисовке мельчайших деталей при полном отсутствии того, что мы могли бы назвать напряжением творческой силы. Говорят, что все произведения Шекспира в большей или меньшей степени импровизации, плод счастливой минуты, результат таинственного наития, которое дается без труда и напряжения. Так ли это или нет – вопрос по меньшей мере спорный; но во всяком случае нет другой драмы его, в которой впечатление беззаботного творчества получалось-бы так ясно, как именно в «Генрихе IV», не смотря на то, что Шекспир несомненно чувствовал себя связанным исторической традицией.

Выше уже было указано, что заглавный герой – сам Генрих IV – прямо перенесен Шекспиром из хроники в драму.

Он только перевел его на свой родной художественный язык, вследствие чего стиль, если можно так выразиться, получился иной чем в хронике Голиншеда. Фактически нового он к нему ничего не прибавил, развив его лишь в известном направлении. Так, ему одному принадлежит характеристика отношения Генриха к сыну, отношения, бросающегося из одной крайности в другую. Неудовольствие сыном, однако, преобладает, и он завидует старику Нортomberленду, сын которого – знаменитый Перси: «О, если б можно было доказать, что эльфы ночной порой подменили наших сыновей в пеленках, что мой сын – Перси, а его – Плантагенет» (1-ая ч., I, 1). Этим усугубляется трагизм его положения: несмотря на весь свой ум, он не разглядел сына, хотя последний неоднократно дает ему к тому возможность. Моментами в его душу входит иное чувство к сыну (напр. 1 часть III, 2), но эти моменты редки и сменяются часами недоверия.

Впрочем, принц Уэльский действительно на столько сложная натура, что разглядеть и понять ее даже отцу было не легко. Исходная точка и здесь также хроника Голиншеда, которая дает несколько намеков на распутную жизнь молодого принца в бытность его наследником престола. Из хроники они перешли и в упомянутую выше до-шекспировскую драму о Генрихе V. Весьма вероятно, что в них есть некоторая доля правды. В драме – это одна из важнейших черт, на которой поэт останавливается с особенной охотой не потому только, что каждая подобная сцена приводила к

Фальстафу, но и ради самого принца. Это любимейший его герой, его идеал, если у него вообще был таковой в обычном смысле слова. Давно уже была высказана догадка, что мы имеем здесь дело с автобиографическим элементом, т. е. что Шекспир изобразил в лице принца самого себя в известную пору своей жизни. Многие соображения говорят в пользу этой догадки. Мы знаем также, что поэт не любил отказываться от хорошей компании и что он был желанным гостем в кабаке «Морской девы» (Mermaid), в котором собиралась литературная и театральная молодежь Лондона. Существует также предположение, что Фальстаф с внешней стороны не что иное как портрет одного из членов кружка, — толстяка Четля (Henry Chettle). Так-ли это или нет, мы проверить не можем; да это и не нужно для уразумения данных типов.

В особенности принц представляется нам в изображении Шекспира вполне ясным. Это великая по своей нравственной силе личность, цельная, правдивая, прямая и как-то самоуверенно, но искренне скромная. В компанию Фальстафа и его собутыльников принц попал совершенно сознательно; он относится к ней трезво, нисколько не обманывая себя относительно нравственной её чистоплотности. Не избегает он её, как следовало-бы ожидать, а ищет. И не то, чтобы распутная жизнь и оргии его привлекали: привлекает его неистощимое остроумие Фальстафа и тот дух абсолютной свободы, нестесняемой никакими социальными или иными предрассудками, который исходит от толстого рыцаря. Правда, от-

сутствие предрассудков сопровождается полнейшим отсутствием каких бы то ни было нравственных устоев. Но принц достаточно знает себя, чтобы понять, что с этой стороны не грозит опасности заразы. При дворе отца ему делать нечего: отец, прежде всего, хитрый дипломат, и при всей искренней любви они друг друга понять не могут. А заискивать перед отцом он тоже не может. И вот он самоуверенно удаляется от двора, зная, что час настанет, когда он будет нужен. А что о нем пока говорят, это ему безразлично: сильной натуре не приходится считаться с тем, какова её слава, она прокладывает себе дорогу, не оглядываясь боязливо на других.

В данном случае дорога эта ведет через кабак и пьяную компанию Фальстафа, и первая же сцена, в которой мы с ним знакомимся (I, 2), вводит нас в самую суть дела. Сцена превосходная, рисующая нам наших любимцев не в разгар веселой пирушки, а скорее после весело проведенной пьяной ночи. Оба, как принц, так и Фальстаф, как будто устали; правда, шутки и каламбуры сыпятся по обыкновению со всех сторон, но они как то не так веселы и свежи, как всегда. Всех давит свинцовая атмосфера, обычная в подобных случаях, и ею, вероятно, следует объяснить и знаменитый краткий монолог в конце этой сцены, в котором принц характеризует свое отношение ко всей этой компании:

Я всех вас знаю, но хочу на время
Потворствовать затеям вашим праздным,

И в этом стану солнцу подражать.
Оно злотворным тучам позволяет
От мира закрывать свою красу,
Чтоб после, становясь самым собою,
Прорвавши дым уродливых туманов,
Который задушить его грозил,
К себе тем больше вызвать удивленья,
Чем дольше мир его лишен был света.
Будь целый год из праздников составлен,
Досуг-бы так же скучен был, как труд,
Но тем желанны праздники, что редки;
Случайная же радость всех сильнее.
Так, от разгульной жизни отрешившись
И уплатив, чего не обещал,
Тем выше буду всеми я поставлен,
Чем больше всех надежды обману.
Как блещущий металл на темном фоне,
Мое перерождение затмит
Своим сияньем прежние ошибки
И взоры блеском привлечет сильнее,
Чем если б мишура его не оттеняла.
С искусством подведу своим ошибкам счет
И вдруг их искуплю, когда никто не ждет.

Монолог этот несколько странен и хвастливый его тон, строго говоря, совсем не подходит к скромному веселому принцу: словно он сознательно ищет Фальстафа только для того, чтобы потом блеснуть перед светом неожиданно сохра-

ненной невинностью. Он этим оскорбляет не столько своего приятеля-толстяка, сколько самого себя, ибо это была бы игра в прятки, недостойная принца. Некоторые комментаторы, также чувствовавшие диссонанс, который заключается в этом монологе, пытались объяснить его тем, что, поэт хотел как можно скорее выяснить зрителям истинную натуру принца, во избежание недоразумения. Но прием все-таки остается грубым; и в особенности в этой драме нам пришлось бы признать спорный монолог единственным местом, в котором звучал бы расчет на известного рода эффект, совершенно притом ненужный. Ведь если принц хотел поразить людей неожиданностью своей нравственной силы и чистоты, то тот же эффект он конечно произвел бы и на зрителей, если бы впоследствии вдруг оказалось, что он совсем не такой распушенный человек, каким он казался раньше. Становясь же на нашу точку зрения, мы услышим в этом монологе лишь понятную в таком положении ноту досады на самого себя и желание хотя сколько-нибудь утешить себя и подбодрить.

Личность принца единственная в драме, которая до известной степени развивается. Правда, конец развития лежит вне границ двух наших драм: лишь король Генрих V «исполняет то, что обещал принц»; в этом отношении обе части «Генриха IV» лишь пролог к «Генриху V»; но самая интересная и важная часть этого развития происходит именно здесь. Она рисует нам постепенное – шаг за шагом – отчуждение

принца от Фальстафа, и нигде, может быть, искусство психологической мотивировки, обычное у Шекспира, не сказалось так блестяще, как здесь. Принца, с одной стороны, отвлекают заботы об отце и государстве; в нем проснулся наследник престола и рыцарь, сохранивший в неприкосновенной полноте чувство долга и понимающий всю серьезность положения.

Внимательный читатель легко заметит постепенное усиление этой ноты и, в зависимости от неё, охлаждение к Фальстафу, с которым принц во второй части сходится уже гораздо реже. Мастерски поэт сумел подготовить полный разрыв после восшествия на престол; он совершается не разом, а подготовлен всем предшествующим развитием, и всякий из нас чувствует, что он необходим. Наша симпатия к Фальстафу, правда, не легко мирится с этим фактом, который, по крайней мере в такой форме, кажется нам слишком жестоким.

Когда старик, над которым только что пронеслась длинная поучительная речь молодого короля, возвращающегося с коронации (2 ч. V, 5), находит в ответ только грустную шутку, с которою он обращается к своему соседу: «Мистер Шалло, я вам должен 1000 фунтов!» – то нами невольно овладевает чувство глубокого сострадания. И напрасно поэт, подготавливая эту сцену в предыдущем, старался ослабить производимое ею впечатление, намеренно выставляя на показ все худшие и худшие стороны старого грешника, – впечатление

остаётся все то же, и виноват тут сам поэт, сумевший придать этой безобразной фигуре неотразимую прелесть.

Процесс отчуждения от Фальстафа есть вместе с тем процесс очищения молодого принца и подготовки его к великому призванию. С этой точки зрения Фальстафиада представляется необходимым элементом нашей драмы. Целям всесторонней характеристики Генриха служат и все остальные действующие лица, и на первом плане – Генрих Перси, его соперник по храбрости, блестящий, мужественный, но по уму – недалекий. Все его любят за то, что он, герой, при одном имени которого все враги дрожат, беспомощен как ребенок, как только дело коснется чего иного, чем войны и боя. Аристократ до мозга костей, он ставит честь выше всего, честь рыцарскую, довольно своеобразно и узко понимаемую. Спокойная рассудительность ему совершенно чужда; он либо молчит и бездействует, либо увлекается, да так, что никто и ничто уже не может его удержать. Это человек импульса, олицетворение известного темперамента, без участия в нем рассудка. В конце концов он губит себя и дело своих друзей, столкнувшись с человеком не менее храбрым и сильным, но более умным, чем он, с принцем Генрихом. При всей цельности и даже при всем величии этого типа, он в своих увлечениях доходит, сам того не замечая, до той черты, за которой уже начинается смешное. Очень меткую, хотя и карикатурную характеристику его дает принц Генрих (1-ая часть, II, 4): «Перси как ни в чем не бывало убивает к завтраку 6–

7 дюжин шотландцев, умывает руки и говорит жене: „экая скучная жизнь! Надо придумать себе работу“. «Сердечный мой, отвечает она, скольких же ты сегодня убил?» «Напойте моего коня», говорит он, и через час лишь отвечает: «Штук четырнадцать. Сущие пустяки!»

К характеристике некоторых из других действующих лиц «Генриха IV» и к Фальстафу мы еще вернемся в предисловии к «Виндзорским проказницам». Ср. также предисловие к «Генриху V».

События, легшие в основу второй части «Генриха IV», обнимают время от 1405 г. до смерти Генриха IV, т. е. до марта 1413 г. Что и здесь фактическая сторона играет второстепенную роль, явствует уже из того, что она является до известной степени повторением фабулы первой части. Мы и здесь имеем дело с баронами, восставшими против короля, и все сводится к подавлению их бунта. Едва-ли Шекспир счел бы нужным посвятить этим событиям новую драму, если бы ему не предстояла необходимость довести до конца развитие принца Уэльского, будущего Генриха V. Само действие здесь еще менее интересно, чем в первой части, так как среди врагов короля нет уже могучих фигур Перси и графа Дугласа, нет и жалкого, но интересного по типу Глендовера. Да и сам король менее энергичен и деятелен, действие подвигается медленнее и однообразнее. Наконец, Фальстаф и его сподвижники спустились ниже и поэт намеренно, как мы виде-

ли, сгущает темные краски. Очевидно, что и в глазах Шекспира эта вторая часть самостоятельного значения не имела. Она служит лишь переходом от первой части к «Генриху V», которым завершается трилогия.

В виду этой служебной цели, Шекспир намеренно сократил действие, сильно сдвинув события. Старик Нортomberлэнд, отец убитого Перси, не поднял восстания немедленно после битвы при Шрюсбери, в несчастном исходе которой он отчасти сам был виноват. Наоборот, он без сопротивления покорился победителю-королю, и лишь через два года он собрался с духом, чтобы отомстить за смерть сына, и возвел на английский престол молодого Эдмунда, графа Марчского, который, будучи по бабушке правнуком герцога Кларенсского, второго сына Эдуарда III, имел, казалось, более прав на престол, чем династия Ланкастеров. Снова образовалась коалиция против короля, к которой, кроме целого ряда феодалов, примкнул и архиепископ Йоркский. Заговор окончился плачевно: важнейшие заговорщики, между прочими и архиепископ, были вероломно схвачены и казнены. Старик Нортomberлэнд спасся бегством в Шотландию, но и он пал в 1408 г. во время нападения на английские пограничные области. Принц Генрих в этих делах участия не принимал: он был занят в Уэльсе борьбой с Глендовером.

Король Генрих пережил свою победу над бунтовщиками еще на целых 5 лет, тогда как у Шекспира он умирает непосредственно после победы.

Ф. Браун.

Часть I

Рамка, составленная из гербов действующих лиц I-ой части «Генриха IV» (из изд. Найта)

Действующие лица I части «Генриха IV».

Король Генрих IV.

Генрих, принц Уэльский; Джон, принц Ланкастерский – сыновья короля.

Граф Вестморлэнд.

Сэр Вальтер Блент.

Томас Перси, граф Ворчестер.

Генрих Перси, граф Нортумберлэнд.

Генрих Перси, по прозвищу Готспурь, его сын.

Эдмунд Мортимер, граф Марч.

Скруп, архиепископ Йоркский.

Арчибальд, граф Дуглас.

Овен Глендовер.

Сэр Ричард Вернон.

Сэр Джон Фальстаф.

Сэр Микаэль, друг архиепископа Йоркского.

Пойнс.

Гэдсгиль.

Пето.

Бардольф.

Лэди Перси, жена Готспура, сестра Мортимера.

Лэди Мортимер, дочь Глендоваера и жена Мортимера.

Мистрисс Квикли, хозяйка таверны в Истчипе.

Лорды, офицеры, шериф, старший трактирный слуга, младший трактирный слуга, мальчики, извозчики, путешественники, свита.

Действие происходит в Англии.

Действие первое

Сцена I

Лондон. Комната во дворце.

Входят король Генрих, Вестморлэнд, сэр Вальтер Блент
и другие.

Король Генрих.

Истомлены, в заботах побледнев,^[1]
Мы все-ж нашли, что вспуганному миру
Пора вздохнуть, чтоб вскоре прозвучали
Прерывистые клики новых войн,
Которые в странах начнутся дальних.
Пусть жадный прах земли родной отныне
Не обагрят больше уст в крови
Своих детей^[2]. Пусть острый меч войны
её полей не бороздит глубоко,
Пусть тяжкие копыта вражьей рати
её цветов не топчут. Те бойцы,
Что, обратив друг к другу взор враждебный,
Как метеоры в бурных небесах,
Родные все по духу и по крови,
Еще недавно сталкивались в шумe

Гражданских сечь и внутренних усобиц, –
Пушай согласно, стройными рядами
Одним отныне шествуют путем,
Родным, друзьям, знакомым не на встречу.
Клинок войны, как нож, что плохо спрятан
В ножны, пушай хозяина не ранит.
Итак, друзья, туда, где гроб Христа, –
Под сенью же Его креста честного
Призвание и обет влекут нас биться, –
Хотим подвигнуть рать из англичан.
Еще в утробе матери их руки
Сложились, чтоб язычников прогнать
С земли святой, к которой прикасались
Стопы благословенные Того,
Кто ради нас, четырнадцать столетий
Тому назад^[3], был пригвожден к кресту.
Но эти мысли мы уж год лелеем, –
Излишне повторять, что их свершим.
Не с тем сошлись мы. Но хотим услышать
От вас, кузен любезный Вестморлэнд,
Как наш совет решил вчерашней ночью,
Чтоб дело, дорогое нам, ускорить.

Вестморлэнд.

Вопрос об ускореньи, государь,
Был обсуждаем горячо, расходов
Утверждены различные статьи,
Как вдруг, уж поздней ночью, из Валлиса

С недобрыми гонец вестями прибыл.
Вот худшая: отважный Мортимер,
Ведя на бой мужей из Герфордшейра
С неистовым Глендовером сражаться,
Попался в руки грубые валлийца.
До тысячи изрублено солдат,
И трупы их столь скотски поруганью
Со стороны валлийских жен подверглись,
Увечьям столь бесстыдным, что нельзя
О том поведать слово, не краснея.

Король Генрих.

И кажется, что весть об этой битве
Заботы о Святой земле прервала?

Вестморлэнд.

Да, добрый государь, в связи с другими.
Еще тревожней весть и злополучней
К нам с севера пришла и так гласит:
Сошлись в день Воздвиженья креста
Под Гольмедоном младший Гарри Перси,
Блестящий Готспур, с доблестным шотландцем,
Прославленным и храбрым Арчибальдом,
И завязался тяжкий бой кровавый.
Об этом заключают по пальбе
Орудий их и признакам другим.
Гонец же сам, принесший нам известье,

Вскочил в разгар сраженья на коня
И ничего не знает об исходе.

Король Генрих.

Вот дорогой и деятельный друг,
Сэр Вальтер Блент. Он только что с коня
На землю спрыгнул и еще покрыт
Весь брызгами разнообразных почв
Меж Гольмедоном и жилищем нашим.
Отраднa вестъ его: разбит граф Дуглас.
Он видел на равнине гольмедонской
Рядами легших в собственной крови
Шотландцев храбрых десять тысяч, двадцать
Двух рыцарей. А в плен Готспуром взяты
Мордэк, граф Файфский, старший сын Дугласа^[4],
Разбитого им тут же, также графы
Атоль и Муррей, Ангус и Ментейт.
Ужели не почетная добыча,
Не славная награда? Что, кузен?

Вестморлэнд.

Да, принц бы мог такой победой хвастать.

Король Генрих.

Вот ты меня поверг в печаль, а вместе
И согрешить заставил тем, что к лорду

Нортomberлэнду зависть возбудил, –
К отцу такого доблестного сына,
Чье имя на устах всегда у славы,
Кто, возносясь, как ствол стройнейший в роще,
Стал баловнем и гордостью судьбы.
Меж тем как я, свидетель славы чуждой,
Взираю, как бесславье и распутство
Чело пятнают Гарри моего.
О, еслиб верить, что, скитаясь ночью,
Еще в пеленках фея подменила
Малюток наших^[5], моему названье
Дав Перси, а его – Плантагенета.
Тогда-бы мне его достался Гарри,
А мой – ему. Но прочь такие мысли.
Что скажете, кузен, вы о подобном
Высокомерьи Готспура? Всех пленных,
Им взятых в битве, хочет удержать
В свою он пользу, мне же слово шлет,
Что только графа Файфского мне выдаст.

Вестморлэнд.

Подучен дядей Ворчестером он,
К вам всячески враждебным. Оттого
Топорщится и гребень молодой
Подъемлет против вашего он сана.

Король Генрих.

Но я к нему послал, зовя к ответу.
Итак, на срок откажемся от наших
Священных сборов в Иерусалим.
Совет мы держим в будущую среду
В Виндзоре. Так оповестите лордов,
А сами возвращайтесь к нам скорей.
Сказать и сделать многое осталось,
К чему не должно в гневе приступить.

Вестморлэнд.

Я все исполню, государь.

(Уходит).

Сцена II

Там же. Другая комната во дворце.

Входят Генрих, принц Уэльский, и Фальстаф.

Фальстаф. Послушай, Галь, какое теперь время дня, братец?

Принц Генрих. У тебя мозги так заплыли жиром от питья старого хереса, расстегивания жилета после ужина, и дрыханья по скамейкам после обеда, что ты разучился спрашивать о том, что в самом деле хочешь знать. На кой черт тебе справляться о времени дня? Другое дело, если-бы часы

были бокалами хереса, минуты каплунами, маятники языками сводень и циферблаты вывесками публичных домов ^[6], а само солнце на небе красивой, горячей девкой в огненно-красном шелке, – а то я не вижу причины, зачем бы тебе спрашивать о времени дня.

Фальстаф. Печальную ты правду сказал, Галь. Мы, обиратели кошельков, живем по луне и семизвездию, а не по Фебу, этому «прекрасному странствующему рыцарю» ^[7]. И я прошу тебя, голубчик, когда будешь королем, – да сохранит Господь твою милость, – я хотел сказать твое величество, потому что милости тебе не будет.

Принц Генрих. Как, совсем не будет?

Фальстаф. Верно говорю, не будет – даже на молитву перед завтраком из яиц и масла ^[8].

Принц Генрих. Ну, так что-ж ты хотел сказать? Валяй без околичностей.

Фальстаф. Так вот, голубчик, когда ты будешь королем, пусть нас, рыцарей ночи, не зовут дневными грабителями; пусть мы считаемся лесничими Дианы, кавалерами ночного мрака, любимцами луны; пусть говорят, что мы люди правые, потому, что нами, как и морем, правит наша благородная и целомудренная повелительница – луна, под покровительством которой мы грабим.

Принц Генрих. Хорошо сказано, и совершенно верно, потому что у нас, служителей луны, счастье имеет свой прилив и отлив, как море. Нами, как и морем, управляет луна.

И вот пример: в понедельник ночью золото приливает после отважного грабежа, а во вторник утром отливает после беспутного кутежа. Добыто оно грозным окликом «отдавай»; пропито с криками «подавай». То счастье убывает ниже первой ступени лестницы, а то, гляди, и приливает до верхнего края виселицы.

Фальстаф. Верно, братец, ей Богу. А неправда ли, моя трактирщица объядение?

Принц Генрих. Сладка, как мед, старый хвостун. А не правда ли, буйволовая куртка очень прочная штука^[9]?

Фальстаф. Ну тебя, сумасшедший. Что это за остроты и шутки? какое мне, черт возьми, дело до буйволовой куртки?

Принц Генрих. А на кой дьявол мне трактирщица?

Фальстаф. Ты ведь ее не раз звал, чтобы сводить счета.

Принц Генрих. Разве я когда-нибудь требовал, чтобы ты уплатил свою часть?

Фальстаф. Нет, отдаю тебе справедливость, ты всегда там за все платил.

Принц Генрих. И там, и везде, пока у меня были деньги; а когда не хватало, я пускал в ход мой кредит.

Фальстаф. Да, и так им пользовался, что из этого следовало, что ты наследник^[10]. Но прошу тебя, голубчик, скажи мне, неужели в Англии будут еще виселицы, когда ты станешь королем, неужели ржавые цепи дедушки Закона^[11] будут, как и теперь, сковывать храбрецов? Пожалуйста, когда будешь королем, не вешай ни одного вора.

Принц Генрих. Нет, это будешь делать ты.

Фальстаф. Я? Чудесно. Клянусь Богом, я буду славным судьей.

Принц Генрих. Вот ты уже и неверно рассудил: я хотел сказать, что тебе будет предоставлено вешать воров, и что ты сделаешься таким образом отличным палачом.

Фальстаф. Хорошо, брат, хорошо; это мне так же по душе, как служба при дворе, уверяю тебя.

Принц Генрих. Тебя прельщает плата?

Фальстаф. Да, меня прельщает платье – а у палача запас его не малый^[12]. Черт возьми, и я сегодня печален, как старый кот, или медведь на цепи.

Принц Генрих. Или как старый лев? или лютя влюбленного?

Фальстаф. Да, или как сопение линкольнширской во-
лынки.

Принц Генрих. Можно еще сказать, как заяц, или как мрачный Мурский ров^[13].

Фальстаф. Ты любишь самые неприятные сравнения; право, ты самый несравненный, самый негодный и самый милый молодой принц на свете. Но, пожалуйста, Галь, не искушай меня более суетными благами. Хотел бы я знать, где нам с тобой купить доброе имя. Меня недавно на улице один старый член Совета бранил за вас, сэр; но я не слушал его; а он говорил очень умно; я не обращал на него внимания – а он говорил очень мудро, и притом на улице.

Принц Генрих. Так оно всегда бывает – ведь сказано, что мудрость кричит на улице, и никто ее не слушает.

Фальстаф. Какая у тебя нечестивая страсть к текстам; право, ты можешь совратить и святого. Ты прямо таки загубил мою душу, Галь, – да простит тебя Бог. До моего знакомства с тобой, Галь, я был невинен; а теперь я, говоря по правде, немногим лучше самого большого нечестивца. Мне необходимо изменить свой образ жизни и я изменю его, клянусь честью; пусть меня назовут мерзавцем, если не изменю; я не хочу погубить душу ни из-за какого королевского сына во всем мире.

Принц Генрих. Где бы нам завтра стащить кошелек с деньгами, Джэк?

Фальстаф. Где хочешь, братец, я буду заодно с тобой; назови меня подлецом и наплюй мне в глаза, если я отрекусь от тебя.

Принц Генрих. Хорошо же ты каешься – от молитв к грабежу.

(Вдали показывается Пойнс).

Фальстаф. Что же делать, Галь, таково мое призвание: не грешно следовать своему призванию. Ба, Пойнс! – Теперь мы узнаем, выследил ли Гэдсгиль что-нибудь. Да, если-бы спасение людей зависело от их добродетелей, в аду не нашлось-бы достаточно жаркого места для него. Он величайший плут из всех, когда либо останавливавших на дороге честных людей криком: стой!

Принц Генрих. Здравствуй, Нед.

Пойнс. Здравствуй, милый Галь. Ну, что поделявает сеньор Раскаяние? Как поживает сэр Джон Сладкий Херес?^[14] Джек, как ты столкнувался с дьяволом относительно твоей души, которую ты ему продал в последнюю Страстную пятницу за рюмку мадеры и кусок холодного каплуна?

Принц Генрих. Сэр Джон сдержит слово: черт не будет обманут. Сэр Джон никогда не нарушал верности пословицам, а пословица говорит, что черт всегда получит свое.

Пойнс. Так ты погубишь свою душу тем, что сдержишь слово черту.

Принц Генрих. А иначе он погубит свою душу тем, что обманет черта.

Пойнс. Слушайте же, братцы мои: завтра утром, в четыре часа, нужно быть в Гэдсгиле^[15]. Там проедут богомольцы в Кентербэри, с богатыми дарами, и купцы, едущие в Лондон с набитыми кошельками. Я приготовил для всех вас маски, а лошади у вас самих есть. Гэдсгиль ночует сегодня в Рочестере. На завтра ужин заказан в Истчипе^[16] – вся эта затея так же безопасна, как сон после обеда. Если вы отправитесь со мной, я вам набью кошельки кронами; если нет – оставайтесь дома, и желаю вам быть повешенными.

Фальстаф. Помни, Эдуард: если я замешкаюсь дома и не пойду с вами, я вас повешу за то, что вы пошли.

Пойнс. Неужели, мясная туша?

Фальстаф. Галь, а ты с нами?

Принц Генрих. Чтобы я стал грабителем? Чтобы я воровал? Клянусь честью, ни за что.

Фальстаф. Где же твоя честность, твое мужество и чувство дружбы? Не знаю, есть ли в тебе королевская кровь, если ты не можешь добыть десяти шиллингов королевского чекана^[17].

Принц Генрих. Ну хорошо, буду сумасбродом раз в жизни.

Фальстаф. Вот это хорошо сказано.

Принц Генрих. Нет, будь что будет, я остаюсь дома.

Фальстаф. Клянусь честью, если так, то я сделаюсь государственным изменником, когда ты вступишь на престол.

Принц Генрих. Как хочешь.

Пойнс. Сэр Джон, прошу тебя, оставь меня наедине с принцем: я ему приведу такие доводы в пользу нашего предприятия, что он согласится участвовать в нем.

Фальстаф. Хорошо. Да ниспошлет на тебя Господь дар убеждения, а ему откроет слух, чтобы твои слова подействовали на него, и он мог поверить, что истинный принц может ради забавы сделаться поддельным вором; в наше печальное время нужно чем-нибудь поднять дух. Прощайте: вы найдёте меня в Истчипе.

Принц Генрих. Прощай, запоздалая весна. Прощай, бабье лето.

(Фальстаф уходит).

Пойнс. Послушай, милый дорогой Галь, поезжай с на-

ми завтра: я придумал шутку и один не могу выполнить ее. Фальстаф, Бардольф, Пето и Гэдсгиль ограбят тех людей^[18], которых мы уже высмотрели: нас с тобой при этом не будет; а когда они захватят добычу, то я даю голову на отсечение, что мы отнимем ее у них.

Принц Генрих. Но как же мы отделимся от них?

Пойнс. Мы выедем или раньше, или позже, назначим место встречи, куда, конечно, можем не явиться; они решат сделать нападение без нас, и как только покончат с делом, мы бросимся на них.

Принц Генрих. Да, но они наверное узнают нас по нашим лошадям, по платью и по всяким другим приметам.

Пойнс. Ничуть. наших лошадей они не увидят, потому что я привяжу их в лесу; маски мы переменим, как только уедем от них, и я нарочно заготовил клеенчатые плащи, под которыми не видно будет нашего знакомого им платья.

Принц Генрих. Да, но я боюсь, что нам их не одолеть.

Пойнс. Двое из них самые настоящие трусы, и сейчас же покажут нам спины; что касается до третьего, то я готов никогда больше не носить оружия, если он будет противиться дольше чем следует. Вся потеха будет заключаться в невообразимом вранье этого жирного плута, когда мы встретимся за ужином. Он будет рассказывать, что дрался один против по крайней мере тридцати, будет говорить об опасностях, которым подвергался, о нанесенных и парированных ударах и в изобличении его и будет состоять потеха.

Принц Генрих. Хорошо, я согласен; приготовь все нужное, и мы встретимся завтра вечером в Истчипе; там я ужинаю. Прощай.

Пойнс. До свиданья, принц. (*Уходит*).

Принц Генрих.

Я всех вас знаю, но хочу на время
Потворствовать затеям вашим праздным,
И в этом стану солнцу подражать.
Оно злотворным тучам позволяет
От мира закрывать свою красу,
Чтоб после, становясь самым собою,
Прорвавши дым уродливых туманов,
Который задушить его грозил,
К себе тем больше вызвать удивленья,
Чем дольше мир его лишен был света.
Будь целый год из праздников составлен,
Досуг бы так же скучен был, как труд.
Но тем желанны праздники, что редки,
Случайная же радость всех сильнее.
Так, от разгульной жизни отрешившись
И уплатив, чего не обещал,
Тем выше буду всеми я поставлен,
Чем больше всех надежды обману.
Как блещущий металл на темном фоне,
Мое перерождение затмит
Своим сияньем прежние ошибки

И взоры блеском привлечет сильней,
Чем если-б мишура его не оттеняла.
С искусством подведу своим ошибкам счет
И вдруг их испущу, когда никто не ждет.

(Уходит).

Сцена III

Другая комната во дворце.

Входят король Генрих, Нортomberлэнд, Ворчестер, Готс-
пур, сэр Вальтер Блент *и другие.*

Король Генрих.

Умеренной, холодной чересчур,
Вскипеть от оскорблений неспособной
Была доныне кровь моя. И видя
Меня таким, вы топчете ногами
Мое терпенье. Знайте-ж, что решив
Самим собою стать, – могучим, страшным, –
Я изменю свой нрав. Он был к вам нежен,
Как юный пух, и ласков, как елей,
И право потерял на уваженье,
Что только к гордым гордые питают.

Ворчестер.

Наш дом, о государь, не заслужил
Чтоб на него поднялся бич величья,
Величья, что своими же руками
Мы сделали столь пышным.

Нортomberлэнд.

Лорд мой добрый...

Король Генрих.

Прочь, Ворчестер, отсюда, ибо вижу
В твоих глазах угрозу и мятеж.
Сэр! Слишком дерзко ваше обращение.
Величье королевское не терпит
Угрюмой тучи на лице слуги.
Даем вам разрешение нас покинуть.
Коль ваш совет иль помощь будут нужны,
Вас призовем. (*Ворчестер уходит*).
(*К Нортomberлэнду*). Вы говорить хотели?

Нортomberлэнд.

Да, государь. Отказ тех выдать пленных,
Потребованных именем же вашим,
Которых Гарри взял под Гольмедоном,
Не так был, говорит он, сделан резко,
Как вашему величеству сказали.
Лишь только зависть или заблуждение

Виновны в том проступке, – не мой сын.

Готспур.

Я в пленных, государь, не отказал вам.
Но, помнится, по окончаньи битвы,
Когда, томимый жаждой от волненья
И напряженья крайнего, усталый,
С трудом дыша, на меч я опирался,
Какой-то подошел тут лорд опрятный,
Щеголеватый, свежий, как жених.
Сверкал недавно бритый подбородок,
И был похож на жниво в праздник жатвы.
Как продавец нарядов надушенный,
Коробочку с душистым порошком
Большим и указательным перстами
Держал он, часто к носу поднося
И отнимая прочь. И нос во гневе
Сопел, когда коробка приближалась,
А сам он улыбался и болтал.
Когда-ж солдаты трупы проносили,
Он их бранил невежами за то,
Что смеют проходить с нечистой ношей
Меж ветром и его высокородьем.
Он в женственных и праздничных словах
Мне предлагал вопросы, между прочим
Для вашего величества просил
Мной взятых пленных. И терзаем болью
Холодных ран^[19] и этим попугаем,

От ярости терпенье потеряв,
Небрежно я ответил, что – не помню:
Что он получит пленных или нет.
Но я был близок к исступлению, видя
Его столь чистым, пахнущим столь сладко,
Болтающим, как фрейлина, о пушках,
О барабанах, ранах (сжался, Боже!).
Он сообщил, что нет верней лекарства,
Чем спармацет при внутренних ушибах,
Потом он стал жалеть, – и вправду жаль, –
Зачем из безобидных недр земли
Выкапывают мерзкую селитру,
Сгубившую немало статных парней
Столь гнусно. А не будь презренных пушек,
Он, может быть, пошел бы сам в солдаты.
На этот вздор бессвязный, государь,
Я, как сказал, уклончиво ответил.
И вас молю, не дайте вы рассказу
Его, как обвиненью, проскользнуть
Меж вашим саном и моей любовью.

Блент.

О, добрый государь мой, если дело
Все обсудить, то сказанное Гарри
В таком-то месте и в такое время
Лицу такому, с прочим донесеньем
Должно по справедливости считаться
Умершим и уж больше не воскреснут

Ему во вред или в помеху, лишь-бы
От прежних слов он ныне отказался.

Король Генрих.

Однако, он согласен выдать пленных
Лишь только с оговоркой да с условием,
Чтоб выкуп мы немедленно внесли
Из наших средств за шурина его,
За Мортимера глупого^[20], кто предал
Умышленно, – клянуся в том душой, –
Солдат, которых сам он вел сражаться
С кудесником, с проклятым Глендовером, –
На чьей, как слышно, дочери недавно
Граф Марч женился. Неужель должны мы
Опустошить казну, чтобы вернуть
Предателя? Чтоб выкупить измену?
За труса хлопотать, кто сам себя
Сгубил, отдавшись в плен? Нет, пусть исчахнет
Он на горах бесплодных. Человека
Того во веки другом не сочту я,
Язык чей повернется попросить,
Чтоб я хоть пенни внес за Мортимера
Крамольника.

Готспур.

Крамольник Мортимер!
Коль он теперь не с вами, государь,

Случайности войны тому виною.
Об этой правде языком единым
Свидетельствуют раны все его,
Подобно ртам зияющие раны,
Полученные в доблестном бою
Там на красивых берегах Северна,
Осокою поросших, где друг с другом
В единоборстве чуть не целый час
Он простоял, ударами меняясь
С великим Глендовером. Трижды оба,
С взаимного согласия, отдыхали,
Из быстрых струй Северна трижды пили.
И, устрасаясь их взоров кровожадных,
Поток бежал меж камышей дрожащих
Под обгащенной кровью тех бойцов
Нависший берег. Подлое коварство
Свои дела не наряжает в раны
Смертельные. Так много их принять
Не мог бы благородный Мортимер
Умышленно. Пускай же не клеймят
Изменником его.

Король Генрих.

Ты лжешь, о Перси,
Лжешь на него. Он никогда не бился
С Глендовером. Я говорю тебе:
Он дьявола не с большею охотой
Наедине противником бы встретил,

Чем Овена Глендовера. Стыдись.
Но знайте: впредь прошу о Мортимере
Не говорить. Скорей пришлите пленных,
Иль я вам так напомним о себе,
Что будет вам не по-сердцу. Милорд
Нортomberлэнд, теперь мы отпускаем
Вас вместе с сыном. Пленных нам пришлите,
Не то о них услышите.
(Уходят король Генрих, Блент и свита).

Готспур.

И если-б
Сам черт ревуший требовать их стал, –
Не выдам их! Пойду за королем
И так скажу, чтоб сердце облегчить,
Хотя-б пришлось мне жизнью поплатиться.

Нортomberлэнд.

Что? Желчью опьянен? Постой. Ваш дядя
Идет.

Готспур.

Не говорить о Мортимере?
Нет, черт возьми, я буду говорить.
И пусть моей душе грозит гибель,
Коль с ним не стану вместе. За него

Я жилы все готов свои открыть
И дорогую кровь за каплей каплю
Пролить в песок, лишь только-б Мортимера,
Затоптанного в грязь, мне вознести
На ту же высоту, где блещет этот
Забывчивый король, неблагодарный,
Зловредный, как отрава, Болингброк.

Нортмберлэнд (к Ворчестеру).

Брат! Обезумел из-за короля
Племянник ваш.

Ворчестер.

Кто по моем уходе
Раздул в нем это пламя?

Готспур.

Он не в шутку
Желает получить моих всех пленных.
Когда же я потребовал опять,
Чтоб выкуплен был брат моей жены,
Вдруг по щекам его разлилась бледность,
И на меня взглянул он взором смерти,
Дрожал, услышав имя Мортимера.

Ворчестер.

Я не виню его. Не Мортимера ль
Ричард покойный объявил ближайшим
По крови?

Нортomberлэнд.

Да, я слышал объявление.
То было в дни, когда король несчастный, —
Прости нам, Боже, все пред ним вины, —
С войною на Ирландию пошел,
Его-ж назад заставили вернуться,
Чтобы с престола свергнуть и убить.

Ворчестер.

И в этой смерти нас, покрыв бесчестьем,
Винят уста широкия молвы.

Готспур.

Постойте. Вправду ль брата моего
Эдмунда Мортимера объявил
Король Ричард наследником престола?

Нортomberлэнд.

Его. Я слышал сам.

Готспур.

Ну, если так,
Могу-ли короля винить за то,
Что пожелал кузену он исчахнуть
Средь гор бесплодных? Но неужто-ж вы,
На этого забывчивого мужа
Надевшие венец, чтоб за него
Самим покрыться гнусным подозреньем
В подкупленном убийстве, – о, неужто-ж
Вы на себя проклятья навлечете
Лишь в качестве пособников его,
Второстепенных, низменных орудий, –
Веревки, лестницы иль палача?
Простите, что я так спускаюсь низко,
Чтоб указать на ваше положение
И роль при этом хитром короле.
О, стыд! Ужели скажут в наши дни
И в летопись внесут для дней грядущих,
Что люди рода вашего и сана
Себя связали с делом непристойным
(Как вы, прости вам Бог, и поступили),
Исторгнув розу нежную – Ричарда,
И посадив терновник – Болингброка?
Ужель – к стыду тягчайшему – прибавят,
Что вас презрел, прогнал, отринул прочь
Тот, для кого вы этот стыд прияли?
Но нет. Еще не поздно вам вернуть
Утраченную честь и вновь подняться

Во мненьи добром света. Отомстите
За все пренебрежение, за обиды
Вы этому спесивцу королю,
Кто день и ночь о том лишь помышляет,
Как бы за все услуги вам воздать
Кровавою расплатой вашей смерти.
Еще скажу...

Ворчестер.

Молчи, кузен. Ни слова.
Раскрыть пора таинственную книгу
Пред быстрым взором гнева твоего
И об опасном деле и глубоком
Тебе прочесть, – рискованном и трудном,
Как переход через поток гремящий
По древку шаткому копья.

Готспур.

А если
В поток свалился, – то покойной ночи!
Тонуть иль плыть. Когда опасность мчится
С восхода на закат, ей честь дорогу
Пересекает с севера на юг.
Пусть сцепятся! Волнует кровь сильнее
На льва охота, чем гоньба за зайцем.

Нортомберлэнд.

Одна лишь мысль о подвиге опасном
Его за грань терпенья унесла.

Готспур.

Не трудно-б подскочить, — клянусь в том небом, —
Чтоб светлый образ чести с бледноликой
Сорвать луны, не трудно бы нырнуть
В пучину глубочайшую, где лот
Еще не трогал дна, чтобы за кудри
Извлечь на берег тонущую честь,
Лишь только-б тот, кто спас ее, был вправе
Присвоить без соперников себе
Все почести её. Но половинный
С товарищем дележ я презираю.

Ворчестер.

Он целый мир здесь образов увидел,
Но то, что должен видеть, проглядел.
Кузен добрейший, миг один вниманья.

Готспур.

Прошу пощады.

Ворчестер.

Взятых вами в плен
Шотландцев благородных...

Готспур.

Всех оставлю.
Ни одного шотландца, – Бог свидетель, –
Ему не видеть. Если-б от шотландцев
Зависело души его спасенье,
Он все-ж их не получит. При себе
Оставлю всех, клянусь своей рукой.

Ворчестер.

Вы вновь помчались, слов моих не слыша.
Тех пленных удержите при себе.

Готспур.

И удержу. То решено. Сказал он,
Что выкупить не хочет Мортимера,
Мне имя Мортимера запретил
Произносить. Приду-ж к нему, как спит он,
И закричу над ухом: Мортимер!
Скворца я научу твердить одно
Лишь слово: Мортимер! и королю
В дар поднесу, да бередит в нем злобу.

Ворчестер.

Одно, кузен, лишь выслушайте слово.

Готспур.

Торжественно отныне отрекаюсь
От всех стремлений, кроме одного:
Злить вечно Болингброка и щипать.
И этот безобразник принц Уэльский
Отравлен был бы мною в кружке эля,
Но, кажется, отец его не любит
И будет рад, коль с ним беда случится.

Ворчестер.

Прощай, племянник. Я вернусь к беседе,
Когда ты будешь слушать расположен.

Нортomberлэнд.

Зачем ты, как ужаленный осой,
Иль как безумец буйный, иль как баба,
Свой слух к своей лишь речи приковал?

Готспур.

Мне, видите-ли, каждый раз, как слышу
О гнусном интригане Болингброке,
Сдается, будто розгой иль крапивой

Избит я иль искусан муравьями.
Во дни Ричарда, – как зовут то место? –
Чума там поселись, – то в Глостершире,
Где дядя жил его, безумный герцог
Иоркский, – там я в первый раз колени
Согнул пред этим королем улыбок,
Пред этим Болингброком, в день, как вы
Вернулись вместе с ним из Равенспорта.

Нортomberлэнд.

То в замке Беркли.

Готспур.

Совершенно верно.

Каких лишь слов засахаренных, нежных
Мне не поднес сей льстивый пес борзой.
«Когда, мол, счастье юное мое
Взрастет с годами» и «кузен любезный»
И «милый Гарри Перси». Черт побрал-бы
Обманщиков таких^[21] – прости мне, Боже!
Я кончил. Говорите, добрый дядя.

Ворчестер.

Коль нет, мы подождем.

Готспур.

Я кончил вправду.

Ворчестер.

Итак, вернусь к шотландцам вашим пленным.
Без выкупа всех тотчас отпустите,
Чтоб сын Дугласа, вашим став орудьем,
Набрать войска в Шотландии помог вам.
Есть много оснований полагать —
Я изложу их письменно — что дело
Удастся нам легко. (*К Нортomberленду*).

А вы, милорд,
Пока ваш сын Шотландией займется,
Вы тайно попытайтесь вкрасться в душу
К прелату благородному, к тому
Архиепископу, кого все любят.

Готспур.

К Иоркскому, не правда ль?^[22]

Ворчестер.

Да, к нему.
Он гнев таит за брата своего,
Казненного в Бристоле лорда Скрупа.
Я это говорю не в виде мненья
О том, что лишь возможно. Все, я знаю,

Обдуманно, условлено подробно,
Предвидено и мановенья ждет
Лишь случая, чтобы на свет родиться.

Готспур.

Я чую дело. Жизнью клянусь,
Оно удастся.

Нортomberлэнд.

Дичи не подняв,
Уже спускаешь свору.

Готспур.

Заговор,
Я вижу, неудачным быть не может,
Когда войска Шотландии и Иорка
Пристанут к Мортимеру.

Ворчестер.

Так и будет.

Готспур.

По истине, затеяно отлично.

Ворчестер.

Причины не пустые заставляют
Теперь спешить. Чтоб головы снести нам,
Должно восстанье голову поднять.
Как мы себя спокойно ни держали-б,
Король все-ж будет помнить, что у нас
В долгу он и считать, что мы считаем
Себя не получившими уплаты,
Пока не улучит он час, чтоб с нами
Все счета свести. Уже он, примечайте,
Стал отвращать от нас приветный взор.

Готспур.

Да, верно, верно, только месть за нами.

Ворчестер.

Кузен, прощайте. Не стремитесь дальше
Границ, что я вам в письмах укажу.
Когда созреет время, – ждать недолго, –
К Глендоверу украдкой проберусь
И к лорду Мортимеру. Там устрою,
Чтоб вы с Дугласом и войсками всеми
Сошлись благополучно. И тогда
В свои возьмем окрепшие мы руки
То счастье, что теперь так держим слабо.

Нортomberлэнд.

Прощайте, брат. Надеюсь на успех.

Готспур.

Прощайте, дядя. Играм нашим бранным
Земля пусть вторит стоном непрестанным.

(Уходят).

Действие второе

Сцена I

Рочестер. Двор гостиницы.

Входит извозщик с фонарем в руках.

1-ый извозчик. Ого! Я дам себя повесить, если теперь не четыре часа. Медведица уже стоит над новой трубой, а наша лошадь еще не навьючена. Эй, конюх!

Конюх (за сценой). Иду, иду.

1-ый извозчик. Пожалуйста, Том, поправь седло у лошади и подложи под луку пакли, а то она, бедная, ужасно как натерла себе загривок.

(Входит второй извозчик).

2-ой извозчик. Горох и бобы здесь совсем подмоченные, чтоб их черт побрал, и того и гляди у бедной скотины черви заведутся: все в этом доме пошло вверх дном со смерти конюха Робина.

1-ый извозчик. Бедняга! Он загрустил с тех пор, как вздорожал овес. Это свело его в могилу.

2-ой извозчик. Ни в одном доме на всем лондонском тракте нет такого количества блох: я от них весь в пятнах, что твой линь.

1-ый извозчик. Что твой линь! Клянусь обедней, ни одного короля в христианском мире нельзя было бы старательнее искушать, чем меня сегодня после первых петухов.

2-ой извозчик. Ну да, нам не поставили горшка, и пришлось облегчаться в камин, а от мочи блохи плодятся, как гольцы.

1-ый извозчик. Эй, конюх, иди сюда, висельник, иди сюда!

2-ой извозчик. Мне нужно доставить окорок ветчины и два тюка инбиря в самый Чэринг Кросс^[23].

1-ый извозчик. Проклятие! Мои индюшки совсем околели с голода в корзине. Эй, конюх! Напади на тебя чума! Что, у тебя глаз нет во лбу? Оглух ты, что-ли? Будь я подлец, если разбить тебе башку не такое же хорошее дело, как выпить. Иди сюда, висельник! Где твоя совесть?

(Входит Гэдсгиль).

Гэдсгиль. Здравствуйте, братцы. Который час?

1-ый извозчик. Кажется, два часа.

Гэдсгиль. Одолжи мне пожалуйста свой фонарь, мне нужно в конюшню – на мерина взглянуть.

1-ый извозчик. Эй, полегче. Я знаю штуки похитрее, которые двух таких стоят.

Гэдсгиль *(другому извозчику)*. Так одолжи мне хоть ты.

2-ой извозчик. Черта с два. Одолжить тебе фонарь... как бы не так! я раньше погляжу, как тебя повесят.

Гэдсгиль. Скажи, к какому часу думаешь поспеть в Лон-

дон?

2-ой извозчик. Достаточно рано, чтобы лечь спать еще при свече, ручаюсь тебе. Идем, сосед Мукс, пора будить господ. Они хотят ехать в компании – ведь у них много поклажи. (*Извозчики уходят*).

Гэдсгиль. Эй, кто там? Человек!

Слуга (*за сценой*). Я тут как тут – как сказал вор.

Гэдсгиль. Или как сказал трактирный слуга – это одно и то же. Разницы между ним и тобой не больше, чем между подстрекателем и исполнителем: ты показываешь нам, как надо грабить.

(*Входит слуга*).

Слуга. С добрым утром, мистер Гэдсгиль. Все, что я вам вчера вечером сказал, подтверждается: один из путешественников богатый кентский землевладелец; он везет с собой триста марок золотом. Я сам слышал, как он вчера за ужином говорил об этом одному из попутчиков. А тот нечто вроде сборщика податей – у него тоже много поклажи – но что он везет, неизвестно. Они уже встали и потребовали себе яиц и масла – сейчас двинутся в путь.

Гэдсгиль. Не миновать им встречи с прислужниками Старого Ника^[24] – даю тебе голову на отсечение.

Слуга. Не надо мне твоей головы, побереги ее для палача, ведь я знаю, ты верный слуга Старого Ника – насколько может быть верным плут и мошенник.

Гэдсгиль. Что ты мне мелешь про палача? Если меня по-

вешат, то потребуется пара крепких виселиц. Ведь со мной в компании должны будут вздернуть и старика сэра Джона, а он, как тебе известно, не заморыш. Да что говорить! Заодно с нами такие троянцы, о каких тебе и не снилось; они ради развлечения оказывают честь нашему ремеслу своим участием, и поэтому, если бы нас накрыли, они все уладят, заботясь о собственной шкуре. Мои союзники не какие-нибудь проходимцы, не бродяги, которые выходят с дубинами грабить на шесть пенсов, не сумасбродные красноносые пьянчуги, а люди знатные и степенные, бургомистры и богачи; люди, которые умеют постоять за себя, больше дерутся, чем говорят, больше говорят, чем пьют, больше пьют, чем молятся. Нет, вру – они постоянно молятся своей святой заступнице – чужой мошне; или вернее не молятся ей, а заставляют ее самое взмолиться^[25], обирая ее; они помыкают ею, они на ней выезжают и топчут ее, как старые сапоги.

Слуга. Как? чужая мошна их сапоги? а выдержат ли эти сапоги грязь, в которой они топчутся?

Гэдсгиль. Выдержат. Правосудие их смазывает. Мы грабим с полной безопасностью – как за каменной стеной. При нас такое зелье – папоротниковый цвет^[26], и мы ходим невидимками.

Слуга. Ну, а я полагаю, что если вас не видно, то этим вы больше обязаны ночной темноте, чем папоротникову цветку.

Гэдсгиль. Дай мне руку. Ты получишь свою долю в добыче, клянусь тебе, как честный человек.

Слуга. Нет, поклянись лучше, как мошенник и вор.

Гэдсгиль. Да ну тебя. Ното – общее название для всех людей. Вели конюху вывести моего мерина из конюшни. Прощай, грязный плут.

Сцена II

Дорога близ Гэдсгиля.

Входят принц Генрих и Пойнс; Бардольф и Пето вдали.

Пойнс. Скорее, спрячемся! Я увел лошадь Фальстафа, и его коробит от злости, как новый бархат.

Принц Генрих. Спрячемся.

(Входит Фальстаф).

Фальстаф. Пойнс, Пойнс, чтоб тебя на виселицу вздернули! Пойнс!

Принц Генрих. Молчи, ожиревшие почки. Что это ты за шум поднял?

Фальстаф. Где Пойнс, Галь?

Принц Генрих. Он поднялся туда на пригорок – пойду приведу его.

(Делает вид, что ищет Пойнса).

Фальстаф. Чистое проклятие отправляться грабить в компании такого вора. Негодяй увел мою лошадь и черт его знает, где привязал ее. Сделай я еще пешком четыре меряных фута – и я испустил бы дух. Право, я еще могу умереть

порядочным человеком, если меня не повесят за убийство этого бездельника. Я ежечасно отрекаюсь от сообщничества с ним вот уже двадцать два года, и точно заколдованный не отстаю от него. Пусть меня повесят, если этот негодяй не приворожил меня к себе каким-нибудь зельем. Иначе быть не может – мне дали приворотного зелья. Пойнс! Галь! Чума на вас обоих. Бардольф! Пето! Пусть я умру с голода, если я хоть раз еще пойду на грабеж. Будь я презреннейшим холопом, когда либо жевавшим пищу, если не лучше стать опять честным человеком и уйти от этих негодяев. Восемь ярдов по неровной почве для меня то же самое, что для других пройти семьдесят верст и эти бессердечные подлецы это хорошо знают. Проклятие, когда воры нечестно поступают друг с другом. (*Слышен свист*). Фью-ю! Чума вас всех срази! Приведите мне мою лошадь, бездельники. Лошадь мне, висельники!

Принц Генрих. Замолчи, жирное брюхо. Ложись на землю. Приложи ухо к земле и прислушайся, не едут ли путники.

Фальстаф. А есть у тебя рычаги, чтобы потом поднять меня? Черт побери! Я еще раз не поташу так далеко свое тело за все деньги в казне твоего отца. Затем это вы, негодяи, так меня подвели?

Принц Генрих. Врешь, никто тебя не подводил – нет у тебя ни подводы, ни лошади^[27].

Фальстаф. Прошу тебя, добрый принц Галь, помоги мне

найти мою лошадь, милый сын нашего короля.

Принц Генрих. Убирайся, бездельник! Что я тебе конюх дался?

Фальстаф. Так иди повесься на своей собственной подвязке, которая тебе дана, как наследнику престола. Если меня накроют, вы за это поплатитесь. Если про вас не сочинят песни на самые гнусные мотивы, пусть я отравлюсь стаканом хереса. Когда шутка так далеко заходит, да еще пешком, я ее терпеть не могу.

(Входит Гэдсгиль).

Гэдсгиль. Стой.

Фальстаф. Я и так стою, хотя против желания.

Пойнс. А, это наш разведчик. Узнаю его по голосу.

(Входит Бардольф).

Бардольф. Что слышно?

Гэдсгиль. Становитесь на места, надевайте маски. С горы везут королевские деньги в королевскую казну.

Фальстаф. Врешь, плут, их везут в королевский кабак.

Гэдсгиль. Их хватит на то, чтобы всех нас вывести в люди.

Фальстаф. Вернее привести к виселице.

Принц Генрих. Вы четверо нападете на них на узкой тропинке; Нед Пойнс и я будем стоять внизу. Если они улизнут от вас, то попадутся прямо нам в руки.

Пето. Сколько их?

Гэдсгиль. Восемь или десять человек.

Фальстаф. Черт возьми, а не ограбят ли они нас?

Принц Генрих. Что, трусил, сэр Джон Толстое Пузо?

Фальстаф. Я, конечно, не такой сухарь, как твой дед, Джон Гант^[28], но я не трус, Галь.

Принц Генрих. Это видно будет на деле.

Пойнс. Эй, Джэк, твоя лошадь стоит за забором, когда она тебе понадобится, ты ее там найдешь. Прощай, и держись крепко.

Фальстаф. Теперь уж я не могу приколотить его, хотя бы мне грозила виселица.

Принц Генрих (*тихо Пойнсу*). Где же наши плащи, Нед?

Пойнс. Здесь поблизости. Спрячемся.

(*Уходят принц Генрих и Пойнс*).

Фальстаф. А теперь, кому счастье улыбнется, тот добычу и возьмет. Все по местам.

(*Входят путешественники*).

1-ый путешественник. Идем, сосед. Мальчик спустится с нашими лошадьми с горы, а мы пройдемся пешком, чтобы размять ноги.

Воры. Стой!

Путешественники. Господи Иисусе!

Фальстаф. Бейте, валите их; перережьте бездельникам горло. А, ублюдки гусениц, упитанные ветчиной, мерзавцы! Они ненавидят нас, молодеж. Валите их на землю, общипайте их.

Путешественники. Мы погибли, разорены в конец – мы

и наши семьи.

Фальстаф. Повесить бы вас, толстопузых негодяев. Разорены? Нет, жирные скряги, жаль, что не все ваше добро с вами. Шевелитесь, окорока, шевелитесь! И нам, молодым людям, жить надо, негодяи. Может быть, вы к тому же присяжные судьи, – так мы же вас рассудим.

(Уходят Фальстаф и другие, уводя с собой путешественников).

(Входят принц Генрих и Пойнс).

Принц Генрих. Грабители связали честных людей. А если бы мы с тобой могли теперь обождать воров и весело отправиться в Лондон, было бы о чем толковать целую неделю, над чем хохотать целый месяц и что запомнить, как хорошую шутку, навсегда.

Пойнс. Спрячемся, я слышу их шаги.

(Возвращаются воры).

Фальстаф. Идем, голубчики. Давайте делить добычу, а потом на лошадей, пока не занялся день. Если принц и Пойнс не два величайших труса – то нет справедливости на свете. Пойнс этот не храбрее дикой утки.

Принц Генрих. Деньги давайте!

(Бросается на них).

Пойнс. Негодяи!

(В то время как они занялись дележом, принц и Пойнс кидаются на них. Все они бегут, и Фальстаф, после двух-трех ударов, тоже убегает, бросая добычу).

Принц Генрих.

Легко досталось. Живо на коней.
Воришки разбежались, перетрусив
Так сильно, что не смеют повстречаться,
Подозревая стражника друг в друге.
Вперед, мой добрый Нед. Теперь Фальстаф
Бежит, потяя до смерти, и землю
Сухую утучняет вдоль дороги.
Не будь он так смешон, он был бы жалок.

Пойнс.

Как громко негодяй ревел!

Сцена III

Варкворт. Комната в замке.

Входит Готспур, читая письмо.

– «Что касается меня, милорд, то из любви, которую питаю к вашему дому, я был бы счастлив, если бы мог прилечь к вам». Он был бы счастлив – так почему же его нет здесь? Из любви, которую он питает к нашему дому – он однако доказывает своим письмом, что его собственный сарай

ему дороже нашего дома. Посмотрим, что он пишет дальше. «Ваше предприятие очень опасное»; конечно, опасное: опасно также простудиться, спать, пить; но я могу вас уверить, милорд дурак, что среди этой крапивы, которую называют опасностью, мы сорвем цветок, называемый безопасностью. «Предприятие, которое вы затеяли, опасно; друзья, которых вы называете, ненадежны; время неподходящее, и весь ваш заговор слишком легковесен для борьбы с таким сильным неприятелем». Так вы думаете? А я вам на это скажу, что вы пустоголовый трус и что вы лжете. Что за дурак! Клянусь Господом, наш заговор не хуже всякого другого. Наши друзья верны и надежны; хороший заговор, хорошие друзья и очень надежные; великолепный заговор, очень хорошие друзья. Что за холодный, как лед, негодяй! Архиепископ Йоркский одобряет и заговор, и весь ход дела. Черт побери! Если бы он мне теперь попался, я бы пришиб его веером его жены. Разве в этом предприятии не участвуют мой отец, мой дядя и я? Лорд Эдмунд Мортимер, архиепископ Йоркский и Оуэн Глендовер? Да еще и Дуглас? Разве не получил я от всех письма, с условием встретиться со всеми войсками девятого числа следующего месяца, и разве некоторые из них уже не выступили в поход? Что за язычник! Нечестивец! Окажется еще, что в своей искренней трусости и ограниченности он отправится к королю и откроет ему все наши замыслы. О, я готов надавать себе пощечин за то, что предложил такому молокососу участие в столь почетном предпри-

ятии. Черт с ним! Пусть расскажет королю. Мы готовы. Я отправлюсь сегодня в ночь.

Входит лэди Перси.

Здравствуй, Кэт!^[29] я должен покинуть вас через два часа.

Лэди Перси.

Зачем, супруг мой добрый, ты всегда
Уединенья ищешь? За какую
Вину отлучена я две недели
От ложа Гарри моего? Скажи,
Мой милый, отчего ты отвратился
От пищи, смеха, золотого сна?
Зачем глаза ты в землю опускаешь
И вздрагиваешь часто, оставаясь
Один? Что молодую кровь согнало
Со щек твоих? Зачем мое блаженство
И право на тебя ты уступил
Угрюмым думам и проклятой грусти?
Твой чуткий сон я часто сторожила
И слышала, как ты шептал о битвах
Железных, правил скачущим конем,
Кого-то ободрял: «смелее в битву»,
О вылазках твердил и отступленьях,
О рвах, о частоколах, о палатках,
О брустверах, окопах пограничных,

О базилисках, пушках, кулевринах,
Солдатах мертвых, выкупленных пленных
И всех других подробностях войны.
Твой дух во сне так поглощен был битвой,
Так возбужден, что у тебя на лбу
Пот бисером стоял, как пузырьки
На только что встревоженном потоке.
И странное являлось на лице
Волнение, как у тех, кто вдруг дыхание
В поспешности великой затаил
Что эти все приметы знаменуют?
Супруг мой трудным делом озабочен.
Я знать хочу, иль он меня не любит.

Готспур.

Эй, кто там? (*Входит слуга*).
Что, ушел с пакетом Вильям?

Слуга.

Так точно, с час тому назад.

Готспур.

А Бутлер
Привел-ли от шерифа лошадей?

Слуга.

Одну, милорд, он только что привел.

Готспур.

Какую? Чалой масти? Корноушку?

Слуга.

Ее, милорд.

Готспур.

Конь чалый – вот мой трон².

Немедленно сажусь. О, Esperance!³

Скажи, чтоб Бутлер в сад его привел.

(Слуга уходит).

Лэди Перси.

О, выслушай, супруг мой!

Готспур.

Что, супруга?

² Игра слов goan и throne.

³ Девиз дома Перси.

Лэди Перси.

Как от меня уедешь ты?

Готспур.

Верхом,
Дружок, верхом.

Лэди Перси.

Ты – глупая мартышка.
Хорек таким причудам не подвержен,
Как ты. Без шуток, Гарри. Знать хочу я
Твои дела, я так хочу. Боюсь,
Что брат мой Мортимер, восстанавливая
Свои права, твоей просил поддержки
В том предприятии. Если-ж ты пойдешь...

Готспур.

Так далеко пешком? Устану, друг мой.

Лэди Перси.

Ну, полно, полно, попугай мой. Прямо
Ответь на мой вопрос. Без шуток, Гарри,

Сломаю твой мизинец, если правды
Не скажешь мне.

Готспур.

Прочь, баловница, прочь.
Любовь? Я не люблю. Мне до тебя
Нет дела, Кэт. Играть не время в куклы
Иль губные устраивать турниры.
Носов разбитых нужно нам побольше,
Дырявых черепов^[30]. Вот нынче наша
Ходячая монета. Эй, коня!
Что ты сказала, Кэт? Что нужно?

Лэди Перси.

Так ты меня не любишь? Вправду, нет?
Ну, хорошо. Но если ты не любишь,
И я любить не стану. Так не любишь?
Скажи хоть: это шутка или правда?

Готспур.

Идем, коль хочешь видеть, как поеду.
Чуть на коня вскочу, я поклянусь,
Что я тебя люблю и беспредельно.
Но слушай, Кэт. Отныне не должна
Ты спрашивать, куда я отправляюсь
Или зачем. Спешу, куда мне нужно.

А в заключение, дорогая Кэт:
Я вечером сегодня вас покину.
Я знаю, ты умна, но не умнее
Супруги Гарри Перси, – постоянна,
Но все же женщина, а что до тайн,
Нет лэди боле скрытной. Оттого-то
Охотно верю, что не передашь
Всего того, чего еще не знаешь.
Так велико, о дорогая Кэт,
Мое к тебе доверье.

Лэди Перси.

Неужели
Так велико?

Готспур.

Не больше, ни на дюйм.
Но слушай, Кэт. Куда теперь я еду,
Поедешь ты. Сегодня я, ты – завтра.
Довольна ты?

Лэди Перси.

Довольна поневоле.

(Уходят).

Сцена IV

Истчип. Комната в таверне «Кабанья голова».

Входят принц Генрих и Пойнс.

Принц Генрих. Нед, прошу тебя, выйди из этой грязной комнаты, и посмейся вместе со мной.

Пойнс. Где ты был, Галь?

Принц Генрих. С тремя или четырьмя болванами, среди трех или четырех дюжин бочек. Я спустился на самую низшую ступень плебейства. Да, голубчик, я побратался со всеми трактирными мальчишками, и могу их всех назвать тебе по именам – Том, Дик и Фрэнсис. Они клянутся спасением своей души, что хотя я еще только принц Уэльский, но уже король по учтивости, и открыто говорят мне, что я не спесивец, как Фальстаф, а настоящий коринфянин^[31] – весельчак добрый малый (клянусь Богом, так они меня называют) – и что когда я буду английским королем, то все истчипские молодцы будут готовы служить мне. Напиваться значит по ихнему «нарумяниться», а если хочешь во время питья перевести дух, они кричат: «живей, живей, осуши до дна!» Словом, в какие-нибудь четверть часа я сделал такие успехи, что всю жизнь могу пить с любым медником, говоря с ним на его языке. Уверяю тебя, Нед, ты потерял случай отличиться, не побывав со мной в этом деле. Но, сладкий друг мой

Нед, – а чтобы еще больше подсластить твое имя, даю тебе этот кусок сахара на пени, его только что сунул мне в руку один из трактирных мальчишек, который во всю свою жизнь не говорил других слов по английски, как: «восемь шиллингов, шесть пенсов» и «милости просим!», всегда добавляя тонким голосом: «сейчас, сейчас, сэр! Бутылку сладкого вина в комнату с полумесяцем»^[32] или что-нибудь в этом роде. Так послушай, Нед, чтобы скоротать время до прихода Фальстафа, пойди ты в соседнюю комнату, а я буду спрашивать мальчишку, зачем он мне дал сахар; ты же поминутно кричи «Фрэнсис!», так чтобы он не мог отвечать мне ничего другого, кроме словечка «сейчас». Ступай, и я тебе покажу, как это устроить.

Пойнс. Фрэнсис!

Принц Генрих. Вот так, отлично!

Пойнс. Фрэнсис! (*Уходит*).

Входит Фрэнсис.

Фрэнсис. Сейчас, сейчас, сэр!... Ступай вниз в комнату Гранатового яблока, Ральф.

Принц Генрих. Ступай сюда, Фрэнсис.

Фрэнсис. Милорд.

Принц Генрих. Долго-ли еще тебе служить здесь, Фрэнсис?

Фрэнсис. Да, еще пять лет осталось, столько же как...

Пойнс (за сценой). Фрэнсис!

Фрэнсис. Сейчас, сейчас, сэр!

Принц Генрих. Пять лет! Долгонько же тебе еще придется греметь посудой, черт возьми! Но скажи, Фрэнсис, хватило бы у тебя храбрости разыграть труса относительно твоего контракта с хозяином и показать ему пятки, удрав отсюда?

Фрэнсис. О, Господи, сэр! Я готов поклясться на всех библиях в Англии, что у меня хватит смелости...

Пойнс (за сценой). Фрэнсис!

Фрэнсис. Сейчас, сейчас, сэр!

Принц Генрих. Сколько тебе лет, Фрэнсис?

Фрэнсис. Дайте подумать – в Михайлов день мне исполнится...

Пойнс (за сценой). Фрэнсис!

Фрэнсис. Сейчас, сэр! Пожалуйста, милорд, подождите, я сейчас вернусь.

Принц Генрих. Нет, скажи мне еще, Фрэнсис – сахару, который ты мне дал, было на один пенс, неправда ли?^[33]

Фрэнсис. Ах, сэр, я хотел бы получить за него два пенса.

Принц Генрих. Я тебе дам за него тысячу фунтов: попроси их у меня, когда захочешь, и ты получишь их.

Пойнс (за сценой). Фрэнсис!

Фрэнсис. Сейчас, сейчас!

Принц Генрих. Сейчас, Фрэнсис? Нет... Но если хочешь завтра, Фрэнсис, или в четверг, или же, Фрэнсис, когда хочешь. Но, Фрэнсис...

Фрэнсис. Милорд?

Принц Генрих. согласишься ли ты ограбить этого человека в кожаной куртке^[34] с хрустальными пуговицами, со стриженной головой, с агатовым перстнем на пальце, в темных шерстяных чулках с подвязками, с вкрадчивым голосом и испанской сумкой...

Фрэнсис. О ком это вы говорите, сэр?

Принц Генрих. Ну, да я вижу, что тебе пристало только пить сладкое вино. Смотри, Фрэнсис, чтобы твоя белая куртка не запачкалась. В Берберии, сэр, этого бы не случилось.

Фрэнсис. Чего не случилось бы, сэр?

Пойнс (за сценой). Фрэнсис!

Принц Генрих. Да иди же, бездельник. Не слышишь ты что-ли, что тебя зовут? (Они начинают оба звать его. Фрэнсис стоит растерянный и не знает, куда идти).

(Входит старший трактирный слуга).

Слуга. Что это такое? Ты тут стоишь и не слышишь, что-ли, что тебя зовут? Поди туда к гостям. (Фрэнсис уходит). Милорд, старый сэр Джон с полдюжиной других господ стоят у ворот. Прикажете их впустить?

Принц Генрих. Пусть они немного подождут, а потом впусти.

(Уходит слуга).

Пойнс!

(Входит Пойнс).

Пойнс. Сейчас, сейчас, сэр!

Принц Генрих. Послушай, Фальстаф и остальные воры у дверей. Ну что ж, выйдет потеха?

Пойнс. Еще бы, Галь, нам будет весело, как сверчкам. Ловко однако ты одурачил мальчишку. Что же будет дальше?

Принц Генрих. Я теперь готов на все шалости, которые когда-либо проделывались со времен старика Адама до этой юной полуночи. (*Входит Фрэнсис с вином*). Который час, Фрэнсис?

Фрэнсис. Сейчас, сейчас, сэр! (*Уходит*).

Принц Генрих. И этот мальчишка, который знает меньше слов чем попугай, рожден от женщины! Все его занятие исчерпывается беганием по лестницам вверх и вниз, а все его красноречие итогом трактирного счета. – Да, а я все-таки еще не в таком настроении, как Перси Готспур; он убивает каких-нибудь шесть или семь дюжин шотландцев перед завтраком, умывает руки и говорит жене: – «Надоела мне эта спокойная жизнь, мне нужна работа». – «О, милый Гарри», спрашивает она, «сколько человек ты убил сегодня?» – «Напоите моего чалаго», говорит он и отвечает через час: «Штук четырнадцать, пустяки, пустяки!» Пожалуйста, позови Фальстафа. Я буду играть Перси, а эта жирная туша – лэди Мортимер, супругу его. «Rivo!» как восклицают пьяницы^[35]. Позови же этот окорок, позови кусок сала!

Входят Фальстаф, Гэдсгиль, Бардольф и Пето.

Пойнс. Здравствуй, Джэк. Где ты был?

Фальстаф. Чума на всех трусов, говорю я, чума и проклятие, говорю я, и прибавляю «аминь». — Эй, малый, дай мне стакан хереса. — Чем вести дольше такую жизнь, я лучше готов вязать чулки, штопать их и чинить пятки. Чума на всех трусов! Дай же мне стакан хереса, бездельник. — Неужели на земле нет более добродетели? (*Пьет*).

Принц Генрих. Видал-ли ты когда-нибудь, как бог солнца (этот сострадательный Титан) целует тарелку с маслом, которое тает от его ласки? Если не видал — то взгляни вот на эту тушу.

Фальстаф. Ах ты, мерзавец! В херес подмешана известь. Да чего и ждать кроме плутовства от мошенников. Но трус еще хуже, чем стакан хереса с примесью извести. Ступай своей дорогой, старый Джек! Умри, когда хочешь. Пусть меня назовут выпотрошенной селедкой, если неправда, что мужество, истинное мужество исчезло с лица земли. Во всей Англии не осталось более трех не повешенных порядочных людей, и один из них разжирел и начинает стариться — да помиует нас Бог! Нет, говорю я, свет стал никуда не годен. Хотел бы я быть ткачем^[36] — распевать псалмы и все такое. Чума на всех трусов, повторяю я.

Принц Генрих. Что ты так ворчишь, мешок, набитый шерстью?

Фальстаф. И это сын короля! Пусть у меня на лице не останется ни одного волоска, если я не выгоню тебя из твоего

королевства деревянной шпагой, и не погоню перед тобой всех твоих подданных, как стадо диких гусей. И ты – принц Уэльский!

Принц Генрих. Это еще что такое, поганый брюхан?

Фальстаф. Разве ты не трус? Отвечай... Да и Пойнс также.

Пойнс. Ах ты, жирное пузо, я тебя заколю, если еще раз назовешь меня трусом.

Фальстаф. Разве я назвал тебя трусом? Будь ты раньше проклят, чем я назову тебя трусом. Но я бы дал тысячу фунтов, чтобы уметь бежать так быстро, как ты. У вас прямые плечи, так вы и не боитесь показать свои спины – но разве это значит быть опорой друзьям? К черту такую опору! Настоящие друзья не показывают тыла, а прямо в глаза смотрят. Дайте мне стакан хереса. Будь я подлец, если у меня хоть капля была во рту.

Принц Генрих. Ах, негодяй – у тебя еще губы не обсохли от последнего стакана.

Фальстаф. Не все ли равно. (*Пьет*). Проклятие всем трусам! говорю я.

Принц Генрих. В чем дело?

Фальстаф. В чем дело? В том, что вот мы четверо сегодня утром добыли тысячу фунтов.

Принц Генрих. Где ж деньги, Джэк?

Фальстаф. Где? Их у нас отняли. На нас несчастных четырех напало сто.

Принц Генрих. Как, неужели сто?

Фальстаф. Будь я подлец, если я не сражался с целой дюжиной их два часа под ряд. Я спасся каким то чудом. Мой камзол продырявлен в восьми местах, штаны в четырех, щит мой весь изрублен, меч иззубрен как пила: ecce signum. С тех пор как я стал взрослым мужчиной, я лучше не дрался – но все напрасно. Чума на всех трусов! Пусть вот они расскажут: если они что-нибудь прибавят к правде, или убавят из неё – значит они подлецы, исчадия тьмы.

Принц Генрих. Расскажите, господа, как было дело.

Гэдсгиль. Мы, четверо, напали человек на двенадцать.

Фальстаф. Шестнадцать по крайней мере, милорд.

Гэдсгиль. И связали их.

Пето. Нет, нет, мы их не связали.

Фальстаф. Ах ты, бездельник, конечно связали каждого в отдельности: будь я еврей, жид-еврей, если это не так.

Гэдсгиль. Когда мы стали делить добычу, на нас напали еще шесть или семь человек...

Фальстаф. Они развязали первых; а тут подоспели и другие.

Принц Генрих. Как, и вы со всеми бились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

В составлении примечаний приняли участие Зин. Венгерова и С. А. Венгеров. Некоторые примечания принадлежат переводчикам.

2.

Образ, заимствованный из Библии (Книга Бытия, гл. IV, ст. 11).

3.

События, о которых говорится в драме, относятся к 1402 и 1403 г.

4.

Граф Файфский не был, как ошибочно полагает Шекспир, сыном Дугласа; он сын герцога Альбани, шотландского регента. Ошибка произошла от опечатки в хронике Голиншеда, где выпущена запятая после слова «Governor» (регент).

5.

В «Сне в Летнюю ночь» (II, 1) тоже говорится о том, что феи и эльфы по ночам крадут или подменяют младенцев.

6.

...и циферблаты вывесками публичных домов. – Притоны разврата имели во времена Шекспира вывески, подобно трактирам.

7.

...а не по Фебу, этому «прекрасному странствующему рыцарю». – Фальстаф, вероятно, цитирует стих из какой-нибудь баллады, где героем является рыцарь Феб (Phoebus), и ради шутки отождествляет рыцаря Феба с богом солнца.

8.

Верно говорю, не будет – даже на молитву перед завтраком из яиц и масла. – В оригинале непереводаемая игра слов, основанная на разных значениях слова *grace*: в смысле королевского титула (*God save thy grace*), благодати (*grace thou wilt have non*) и молитвы перед едой (*not so much, as will serve to be prologue to an egg and butter*).

9.

А не правда ли, буйволовая куртка очень прочная штука. – Намек на одежду тюремщиков. В ответ Фальстафу, думающему только о кабаке и разгуле, принц Генрих напоминает ему о тюрьме, ожидающей мошенников. «Прочной» (*robe of durance*) принц называет буйволовую куртку и потому что она из прочного матерьяла, и потому что *durance* означает также тюремное заключение.

10.

Да, и так им пользовался, что из этого следовало, что ты наследник. – В оригинале неперевожимая игра слов: Yea, and so used it, that were it not here apparent, that thou art heir apparent. Here apparent – тут становилось ясным; heir apparent – наследный принц.

11.

...ржавые цепи дедушки Закона. – В оригинале: the rusty curb of old father Antick the law. Antick – значит старик и также шут.

12.

Принц Генрих. Тебя прельщает плата?

13.

Фальстаф. Да, или как сопение линкольнширской волынки.

14.

Как поживает сэр Джон Сладкий Херес? – Пойнс называет Фальстафа «Сладким Хересом» (Sir John Sack-and-Sugar) по названию любимого его напитка. «Сектом» (sack – от франц. vin sec) тогда называли малагу и херес. В XVI и XVII в. принято было подслащать вино сахаром.

15.

Завтра утром, в четыре часа, нужно быть в Гэдсгиле. Гэдсгиль – местность по дороге из Кента в Лондон. Там происходили частые грабежи и разбои, вследствие чего место это имело очень дурную славу. Гэдсгилем зовут также уличного грабителя, вместе с которым Фальстаф подкарауливает проезжих.

16.

На завтра ужин заказан в Истчипе. – Истчип (Eastcheap) – улица в старом Лондоне (Сити), где действительно существовала таверна «Кабанья Голова» (Boar's Head Tavern). У принца Генриха был дом в этой местности.

17.

Не знаю, есть ли в тебе королевская кров, если ты не можешь добыть десяти шиллингов королевского чекана.

18.

Фальстаф, Бардольф, Пето и Гэдсгиль ограбят тех людей. – Вместо имен Бардольфа и Пето (вставленных шекспирологом Теобальдом) в первых изданиях (in 4R и in Folio) стояли два других – Harvey, Rossil. Вероятно Шекспир намеревался сначала так назвать двух товарищей принца, а переменив их имена в дальнейшем течении пьесы, забыл внести поправку в это место рукописи. Некоторые комментаторы полагают, что Harvey и Rossil – фамилии

актеров.

19.

Боль усилилась от того, что раны остыли.

20.

Шекспир, введенный в заблуждение ошибкой в хронике Голлиншеда, смешивает постоянно сэра Эдмонда Мортимера, брата лэди Перси, с Эдмондом Мортимером, графом Марчем. Сэр Эдмонд был младший брат умершего графа Роджера Марча; граф Эдмонд сын последнего. Ему было в то время 10 лет, и он воспитывался, т. е. вернее был в плену у короля Генриха в Виндзоре. Маленький граф был после смерти Ричарда II законным наследником, ведя свое происхождение от третьего сына Эдуарда III, Лионеля, герцога Кларенса (по своей бабушке Филиппе, вышедшей замуж за графа Марча). Отец же Генриха IV, Джон Гант, четвертый сын Эдуарда III. Ланкастеры узурпировали таким образом своим воцарением права представленной Мортимерами старшей линии – и потерпели за это наказание в третьем поколении, когда вспыхнула война Алой и Белой Розы.

21.

В оригинале:

22.

Готспур.

23.

Мне нужно доставит окорок ветчины и два тюка инбиря в самый Чэрит-Кросс. – Ныне центральный пункт Лондона – Чэринг-Кросс еще не был в XVII в. частью Лондона, а лежал по пути между Лондоном и Вестминстером, бывшим тогда тоже еще отдельным городом.

24.

Не миновать им встречи с прислужниками старого Ника. – Выражение «Saint Nicholas clerics» или «Knights» часто встречается у современных Шекспиру писателей для обозначения уличных грабителей. Св. Николай считался покровителем странствующих школяров, а затем бродяг вообще. В том же смысле Гэдсгиль употребляет в этой сцене слово «троянцы», которое на народном языке обозначало ловких рубак вообще и разбойников в частности. Говоря о «нашем ремесле» (the profession) Гэдсгиль подразумевает грабительство.

25.

Или вернее не молятся ей, а заставляют ее самое взмолиться. – В оригинале (not pray to her, but prey on her) игра слов: to pray – молиться, to prey – делать что-нибудь

своей добычей. Игра слов продолжается в следующей фразе: «И топчут ее как старые сапоги». – Как? чужая мошна их сапоги? (make her their boots. – What! The commonwealth their boots?) Boot – означает и добычу, и сапоги. В следующей фразе: «Правосудие их смазывает» (justice has liquored her) liquor означает смазывать сапоги и опьянять, напавать – намек на управление страной, которое так отуманено крючкотворством судейских, что ему не удастся наказывать воров.

26.

При нас такое зелье – папоротниковый цвет. – Папоротниковый цвет считался средством сделаться невидимкой, так как его почти нельзя видеть невооруженным глазом.

27.

Врешь, никто тебя не подводил – нет у тебя ни подводы, ни лошади. – В оригинале: thou art not colted; thou art uncolted. Игра слов: colted – быть обманутым, одураченным; uncolted – быть лишенным своего жеребца.

28.

Я, конечно, не такой сухарь, как твой дед, Джон Гант. – В оригинале (Indeed, I am not John of Gaunt) игра слов: Gaunt – прозвище Иоанна Ланкастерского, и gaunt – худощавый,

сухой. Фальстаф смеется над худобой в ответ на насмешки принца Генриха над его толщиной.

29.

Здравствуй, Кэт. – Лэди Перси в действительности звали не Катериной, а Элеонорой. Она была дочерью Эдмунда Мортимера, графа Марча, и Филиппы, дочери герцога Лионеля Кларенса, т.-е. правнучкой Эдуарда III.

30.

В оригинале игра слов. «Cracked crown» означает разбитые черепа и растрескавшиеся монеты, ставшие тем самым негодными, но которые все-таки хотят здесь оставить в обращении.

31.

...а настоящий коринфянин – т. е. человек, предающийся разгулу (Коринф славился разнузданными нравами жителей). Такие выражения как «троянцы», «коринфянин» и т. п. вошли в простонародный язык как результат частого посещения театров, где давались пьесы на античные сюжеты.

32.

Бутылку сладкого вина в комнату с полумесяцем. – Каждая комната в трактирах того времени носила особое название и имела отдельную эмблему: «комната полумесяца»,

«гранатового яблока» и т. д.

33.

Сахару, который ты мне дал, было на один пенс, неправда ли? – В трактирах того времени подавали к вину сахар, что заставляет сомневаться в хорошем качестве тогдашних вин.

34.

Этого человека в кожаной куртке и т. д. – Этим эпитетом и дальнейшими принц определяет хозяина дома, описывая обычный костюм тогдашних лондонских жителей среднего круга.

35.

Rivo! как восклицают пьяницы. – Это восклицание часто встречается в описаниях пирушек у современников Шекспира. – Происхождение слова «rivo» не выяснено.

36.

Хотел бы я быть ткачем... – Ткачи слыли в Англии времен Шекспира особенно благочестивыми людьми. Это были большей частью кальвинисты, бежавшие в Англию из Фландрии, спасаясь от преследований. Они любили петь гимны, сидя за станком.